

ПУШКИН ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ АРХИВА УШАКОВЫХ

Публикация С. Д. Коцюбинского

В истекшем году нам удалось отыскать в Крыму ряд неопубликованных рукописных материалов, относящихся к 1827—1830 гг. и связанных с некоторыми сторонами жизни и творчества Пушкина.

Эти материалы — остаток архива И. К. Ушакова и, в частности, несколько писем к нему его сестер, близких приятельниц Пушкина. Весь найденный архив приобретен Алупкинским историко-бытовым дворцом-музеем и хранится в его фондах.

Как известно, трехлетняя дружба поэта с Ушаковыми запечатлелась в целом ряде стихотворений, которые Пушкин посвятил своим по-другам: «В отдалении от вас» (16 мая 1827 г.), «Когда бывало в старину» (3 апреля 1827 г.), «Вы избалованы природой» (1—6 января 1829 г.), «Я вас узнал, о мой оракул» (1—9 января 1830 г.) и, наконец, недошедшее до нас — «Трудясь над образом прекрасной Ушаковой». Не менее важным следом этой дружбы остался так называемый «Ушаковский альбом», принадлежавший младшей сестре и весь испещренный рисунками и пометками Пушкина.

В этом альбоме около 150 страниц, из них около ста страниц заполнены Пушкиным. Еще до недавнего времени альбом находился в частных руках, поэтому пушкинские рисунки, в частности портретные наброски Ушаковых, находящиеся в нем, становятся известными лишь в наши дни.

Более богатой могла быть та часть общеушаковского архива, которая принадлежала самой Екатерине Ушаковой, но — во-первых, ее ревнивый муж М. Д. Наумов уничтожил невинные девические альбомы своей жены, во-вторых, она сама сожгла перед смертью письма к ней Пушкина. [«Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: „Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна, пусть она и умрет с нами“». П. И. Бартевев.

«Русский Архив», 1912, № 10, стр. 301 и № 5, стр. 1597. Едва ли это не преувеличено. С. К.]

Сейчас обнаружено, таким образом, четвертое звено пушкинско-ушаковского архива. Это менее цельное и менее важное звено, однако же и оно имеет свою определенную цену для литературной науки.

Судьба этого архивного звена в общих чертах такова. После смерти И. Н. Ушакова письма разных корреспондентов, хранившиеся у него, вместе с семейными бумагами (купчие, грамоты и пр.), перешли к его брату — младшему в семье Владимиру Ушакову (1816—1878), а после смерти последнего, к сыну его Григорию (от брака В. Ушакова с крепостной Масловой). Наличие в бумагах писем, имеющих отношение к имени поэта, сохранило эти бумаги в более или менее нетронутым и неразобранном виде вплоть до нашего времени. Мы обнаружили их у правнука пушкинских приятельниц — симферопольского счетовода Николая Григорьевича Ушакова.¹

Приобретенный архив заключается в одной папке и состоит из 68 отдельных номеров. Ряд материалов относится к XVII и XVIII вв. — несколько грамот периода царствования Петра, указы времен Екатерины II и Павла I, переписка и стихи. Начало XIX в. представлено купчими крепостными, прошениями на возмещение убытков, нанесенных оккупацией Москвы наполеоновской армией, и также стихами.

Из бумаг, относящихся к первой половине XIX в., интересен список «Горя от ума» «сочинения Александра Сергеевича Грибоедова, переводчика Молодых супругов и проч.», сделанный Е. Ушаковой в декабре 1825 г., т. е. за 8 лет до полного опубликования в печати всей комедии. Для литературоведения представляет также несомненный интерес находящееся в архиве неопубликованное письмо М. Г. Погодина к Е. П. Салтыкову (от 9 апреля 1859 г.), описы-

¹ Небезинтересно отметить, что архив находился под угрозой гибели. При всем своем пиетете к бумагам (сводившемся, впрочем, лишь к благоговению перед семейными реликвиями), Ушаков отказывался предоставить их для изучения и собирался даже сжечь в случае какого бы то ни было решительного предложения. Только в результате сложных, подчас даже курьезных, переговоров автору настоящей публикации удалось убедить владельца в необходимости передачи архива в ведение государственного фонда.

вающее цензурные притеснения автора письма и неизвестно каким образом попавшее к Ушаковым. Интересен также список поэмы «Женитьба Майора» («Предисловие к картине г-на Федорова») неизвестного года.

Из материалов, имеющих отношение к имени Пушкина, наибольший интерес представляют письма самих сестер Ушаковых.

Находившийся в зените своей славы (вспомним восторг публики при появлении его в театре по возвращении из ссылки) Пушкин естественно был живейшим предметом разговоров во всей ушаковской семье.

Одна знакомая Ушаковых писала в 1827 г.: «В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения, между нотами „Черную шаль“ и „Цыганскую песню“, на фортепианах его „Талисман“, в альбоме — несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке

беспрестанно вертится имя Пушкина». («Пушкин и его современники», вып. V, стр. 121—122). Естественно, таким образом, что в сферу разговоров о Пушкине попадали и старики Ушаковы и тем более любимый брат, с которым сестры привыкли делиться всеми своим переживаниями.

Отсюда — тот интерес, который представляют для нас письма этих годов от Екатерины и Елизаветы к их брату. Эти юные девушки (старшей Екатерине в 1827 г. было 17 лет, младшей Елизавете 16) могли знать такие стороны жизни поэта, какими тот не мог делиться, может быть, даже со своими друзьями. И, передавая кое-что брату Ивану, они могли сохранить для потомства некоторые черточки живого поэта.

Мы приводим здесь целиком и в извлечениях 5 документов из найденного архива.

1

ПИСЬМО ЕКАТ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ К ИВ. Н. УШАКОВУ

Москва, 28 апреля 1830

Твое письмо, *cher frère*, меня очень, очень обрадовало, наконец ты меня вспомнил, благодарю, благодарю. Ты себе не можешь вообразить, как мне грустно, что ты не с нами и не можешь разделить нашей радости. Без всякого сомнения Лиза будет счастлива, они друг друга обожают, она себе выбрала достойного человека,¹ свадьба будет в среду в домово́й церкви Глебовой-Стрешневой, грустно расстаться с ней, но что делать, надобно повиноваться судьбе. Папеньке, слава богу, полегче, но он навсегда потерял зрение правым глазом, болезнь его нас сокрушила, он страдал и мучился целый месяц день и ночь. Теперь у нас у всех одно единственное желание — видеть тебя в кругу семейства и более не разлучаться. Что мне сказать про себя, я все так же не менее прежнего болтаю, иногда мне случается говорить папеньке, что ты наверное женат и привезешь к нам пять или шесть штук маленьких Ушаковых, каюсь перед тобой, виновата, грешна, мой батюшка, прости, но верь, что мое болтанье их не огорчает. Смерть Морозова ужасна,² стоило бы его жену повесить, она должно быть ведьма или фурия. Напиши, пожалуйста, что она не отдана ли под суд? Этот случай мне напоминает последние слова одной песни —

Видно молодцу жениться,
Все равно, что удавиться.

В Москве новостям и сплетням нет конца, она только этим и существует, не знаю, куда бы я бежала из нее и верно бы не полюбопытничала, как Лотова жена. Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблен (наверное притворяется по привычке) без

¹ Речь идет о предстоящей свадьбе Елизаветы Ушаковой и С. Д. Киселева. В письме к П. А. Вяземскому Пушкин 14 III 1830 г. сообщает, между прочим: «Киселев женится на Лизавете Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости».

² Инцидент, оставшийся нам не известным.

памяти в Гончарову меньшую. Здесь говорят, что он женится, другие даже, что женат. Но он сегодня обедал у нас, и кажется, что не имеет сего благого намерения, mais on ne peut répondre de rien.¹ Его брат Лев приехал с Кавказу² и был у нас, он очень мил и любим и кампанию сделал отлично, весь в крестах. Вот его bon mot про А. Серг., когда он его увидел бегущего на гулянье под Новинским за коляской Карсов:³

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован.

При царе здесь был концерт в пользу бедных, пели все и вся, мы были приглашены, но отказались. Сбоку было 55 м.⁴ Теперь завален и благородный театр. К. Гагарина, бывшая Семенова, Крапоткина, княжна Елена, Титова и наконец роль la bonne souche Lise Loupandin pour les rôles de soubrettes, дают драму Коцебу («Ненависть к людям или раскаяние») для выкупа из тюрьмы бедных. Après cela on dira qu'on n'est pas bienfaisant.⁵ Боюсь, что по примеру наша братия не вздумала дать представление на канате в пользу бедных. Оно простительно, не такие еще глупости делаются на свете.

Ты читаешь Булгарина, поздравляю, что имеешь терпение, здесь про него даже не говорят, во всех журналах бранят, прозвали его Видоком, понимаешь ли ты это, если нет, так по приезде твоём все расскажу, есть над чем посмеяться.

Посылаю тебе Загоскина роман,⁶ он написан прекрасно и наверное доставит тебе приятные минуты. Здесь говорят: Дмитрий Самозванец Булгарина родной братец его Ивану Ивановичу Выжигину.

Твой приятель Голохвастов женится на Брозиной. Анюта Щербатова подняла выше свой прелестный носик, она сделалась фрейлиной.

Жоко изволила благополучно разрешиться от бремени девятью щенками, из которых семь отправили брать холодные ванны. Земфирка вам кланяется и приседает, а Фиделька шаркает ножкой.

Прощай, целую тебя от всей души, напиши, не нуждаешься ли ты в деньгах, будь здоров и ради бога приезжай скорее.

Письмо очень глупо, я это знаю, одно меня утешает, что тебе хоть бумага пригодится.

Барышня с Пресни.

Я тебе бы советовала написать и Лизе и С. Д.⁷ к ним на Поварскую, в дом Шеремьева».

✱

Настоящее письмо представляет различный интерес. Во-первых, и прежде всего, оно, как нам кажется, окончательно разрешает вопрос о принадлежности Пушкину экспромта «Я влюблен, я очарован...».

Свидетельство Ушаковой о принадлежности экспромта брату поэта заслуживает полного доверия. Лев Сергеевич Пушкин (1805—1852), служивший в Нижегородском полку под начальством Н. Н. Раевского, 21 апреля 1830 г. взял

¹ Но нельзя отвечать ни за что.

² Л. С. Пушкин принимал в 1829—30 гг. участие в походе русской армии в Персию.

³ А. С. Пушкин в семье Ушаковых шутливо называл Н. Н. Гончарову «Карсом» по аналогии с неприступной крепостью, тщетно осаждавшейся русскими войсками в течение долгого времени.

⁴ Эти цифры, повидимому, шокировали Ушаковых, не пожелавших быть в числе последних даже на концерте «в пользу бедных».

⁵ Пусть попробуют после этого сказать, что у нас нет благодетелей.

⁶ Повидимому «Юрий Милославский или русские в 1612 году», вышедший в начале 1830 г.

⁷ С. Д. Киселев — муж Елиз. Н. Ушаковой.

отпуск на два месяца и числа 26—27 был уже в Москве. Острумный и приятный собеседник, он пользовался широким гостеприимством своих общих с братом друзей. По отзывам современников, Л. С. Пушкин являлся известным остроумцем и шутником. Н. Н. Лорер, близко его знавший, пишет, что он «вечно весел, над всем смеется, находчив и остер в своих ответах» (Русский Архив, 1874, кн. I, стр. 383—385). Г. И. Филипсон также отмечает чуткость Л. Пушкина к «красотам литературы» и остроту языка, проявляющуюся в экспромтах и эпиграммах (Русский Архив, 1883, кн. III, стр. 171). Немудрено, что некоторые эпиграммы Л. Пушкина, знавшего, кстати сказать, наизусть произведения своего великого брата, циркулировали подчас под маркой А. С. Пушкина. Этому же, с другой стороны, способствовало и разительное сходство почерков обоих братьев. В качестве примера укажем, что благодаря этому сходству были приписаны А. С. Пушкину такие щекотливые экспромты, как «День блаженства настоящий...», «Мы наслаждение удвоим...» и др. Введенный в заблуждение схожестью почерка, В. Я. Брюсов опубликовал эти экспромты под именем А. С. Пушкина, и лишь совсем недавно Л. Б. Модзалевский опроверг это утверждение, доказав, что эти экспромты записаны рукой Л. Пушкина и либо принадлежат ему самому в соавторстве с С. А. Соболевским и И. П. Мятлевым, либо кому-нибудь из его друзей, но отнюдь не А. С. Пушкину.

Подмена по устной аналогии произошла несомненно и с рассматриваемым экспромтом. Естественно, что Л. Пушкин, в первые же дни по возвращении в Москву, обратил внимание на страсть своего брата, ставшую уже предметом разговоров многих знакомых поэта. И нет ничего удивительного, что шутливое определение этой страсти, сорвавшись с уст остроумного офицера, стало тотчас же достоянием гостиных, сначала сделавшись анонимным, а затем прикрепившись к имени самого поэта. Это тем более вероятно, что А. С. Пушкин, сам подтрунивавший над своим сватовством, мог повторить порвавшийся ему экспромт своего брата, заменив 3-е лицо первым (я влюблен...). В таком виде и услышал его, очевидно, первый издатель этого экспромта А. Н. Муравьев (см. брошюру «Знакомство с русскими поэтами, Киев, 1871, стр. 10—11).

Само упоминание Муравьева не дает еще никаких поводов доверять его атрибуции. Вспоминая о своем знакомстве с Пушкиным, он говорит буквально следующее: «Сам Пушкин, после бурных годов своей молодости, был страстно влюблен в Московскую красавицу, которая дей-

ствительно могла служить идеалом греческой правильной красоты, и он оригинально выразил свое сердечное настроение легким двустишием:

Я влюблен, я очарован
Словом я огончарован».

Вот весь источник. Как явствует отсюда, никаких указаний на то, что эпиграмма услышана Муравьевым от самого А. С. Пушкина, нет. Если же иметь в виду то обстоятельство, что запись эта сделана Муравьевым по истечении сорока лет, а также, что книга его вообще не свободна от фактических погрешностей, то становится совершенно ясным, что о достоверности муравьевской атрибуции не может идти и речи.

И однако же под именем А. С. Пушкина экспромт этот дошел вплоть до наших дней.

С легкой руки А. Н. Муравьева включенный Анненковым в собрание сочинений 1880 г., он перепечатывался почти во всех последующих собраниях. Венгеров нашел возможным не поместить его в своем бродягавском собрании, но экспромт снова всплыл в отделе *dubia* краснониевского собрания.

Последнее издание Пушкина («шеститомник») экспромт «Я влюблен, я очарован...» напечатало также в отделе *dubia*.

Письмо Ушаковой интересно далее тем, что оно характеризует неуверенность Пушкина в исходе его женитьбы на Н. Гончаровой в дни окончательного сватовства. Если Пушкин за обедом у Ушаковых умалчивал о предстоящей свадьбе, то на это были серьезные причины. Тягостные отношения, сложившиеся у Пушкина с его будущей тещей, и, что самое главное, тягостные отношения с царем, без согласия которого Пушкин не мог самостоятельно решить свою личную судьбу, держали поэта в полном неведении и не позволяли ему сообщить о женитьбе в более или менее категорической форме.

Мы должны отметить здесь замечательное хронологическое совпадение. Как раз 23 апреля, в тот самый день, когда Ек. Ушакова пишет, что поэт не имеет кажется намерения жениться, Пушкин отправляет письмо к Бенкендорфу с сообщением о предстоящей женитьбе и с просьбой выяснить сомнительность его поднадзорного положения. Это была просьба к шефу жандармов о разрешении жениться. И, повторяем, поэт не был окончательно уверен в положительном ответе.

Публикуемое письмо представляет, наконец, интерес в том смысле, что оно характеризует отношение Ушаковой к некоторым модным литературным новинкам 1830 г. Не будет ошибкой, если скажем, что это не только

суждения Ек. Ушаковой. За подозрительно меткими суждениями барышни-аристократки, желавшей блеснуть своим вкусом перед старшим братом, мы склонны видеть мнения Пушкина, оброненные им мимоходом, за обедом, за вечерней беседой и ею благоговейно подхваченные. И если Ушакова иронически поздравляет брата, что он имеет терпение читать болгаринского «Самозванца», то разве это не пушкинские слова:

«чтобы критиковать книгу («Самозванца»), надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь».

Оценки Загоскина, Булгарина, может быть целиком французская фраза о благотворительности — это если не буквальны слова Пушкина, то во всяком случае слова, написанные под непосредственным впечатлением разговоров с ним, происходивших за обедом того же 28 апреля.

2

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО ЕЛ. Н. И ЕК. Н. УШАКОВЫХ К ИВ. Н. УШАКОВУ

Письмо на четырех страницах, написано по-французски — первая половина Елизаветой, вторая Екатериной. Приводим два отрывка (перевод наш):

26 мая 1827 г.

«...По приезде я нашла большую перемену в Катюше, она ни о чем другом не может говорить, кроме как о Пушкине и о его сочинениях. Она их знает все наизусть, прямо совсем рехнулась. Я не знаю, откуда в ней такая перемена. В эту самую минуту, пока я вам пишу, она громко читает «Кавказского пленника» и не дает мне сосредоточиться....»

(Елизавета).

«...Он уехал в Петербург, — может быть он забудет меня, но нет, нет, будем верить, будем надеяться, что он вернется обязательно...» «...город опустел, ужасная тоска [любимое слово Пушкина]. Досвидания, дорогой брат, остаюсь твоя... Катичка... а кое для кого ангел».

(Екатерина).

*

Это письмо — самое раннее из тех писем архива, в которых упоминается имя Пушкина. Из него видно, что в мае 1827 г. увлечение Пушкина старшей Ушаковой отнюдь не было безответным.

Как известно, Пушкин стал бывать у Ушаковых с конца 1826 г., после того как влюбился на балу в Екатерину Николаевну. Н. С. Киселев (сын Елизаветы Николаевны) рассказывает, что Пушкин заезжал к Ушаковым часто, иногда в течение дня два три. Увлечение поэта красивой хозяйкой не было настоящей глубокой любовью, оно носило скорее характер любовной игры, разделяемой также со второй сестрой Елизаветой. Однако же можно предположить, что не появившись на пушкинском горизонте Наталия Гончарова, брак поэта с Екатериной Ушаковой был бы решенным. Позднее по Москве усиленно цирку-

лировали слухи о предстоящей женитьбе Пушкина на Ушаковой. Об этом пишет М. И. Погодин (23 марта 1830 г.) и В. А. Муханов (23 марта), об этом же вспоминает позже Н. М. Смирнов. Сам Пушкин еще в начале февраля 1830 г., т. е. за два месяца до женитьбы, повидимому, равно считает своими невестами как Гончарову, так и Ушакову. В письме к кн. П. А. Вяземскому он довольно равнодушно спрашивает: «Правда-ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же?»

К письму приложено посылаемое к брату — переписанное из альбома стихотворение А. С. Пушкина «Ответ» («Я вас узнал, о, мой оракул») с повторением подписи Крс (сокращенная анаграмма араамасского прозвища Пушкина — сверчок).

3

ПИСЬМО ЕК. Н. УШАКОВОЙ К И. Н. УШАКОВУ

Письмо не датировано, но, судя по некоторым указаниям, содержащимся в нем, его следует отнести к началу 1830 г. Среди всевозможных сведений о собственном семействе автор письма [повидимому Екатерина Ушакова] сообщает адресату о взаимоотношениях Пушкина и Н. Н. Гончаровой. Это сообщение дается в такой любопытной форме:

«Карс день со дня хорошеет, равномерно как и окружающие ее крепости, жаль только, что до сих пор никто не берет штурмом — но крепости все заняты... недостаток пушек и пороху».¹

Кто такой Карс, сказано выше — это Наталья Гончарова. В жирно подчеркнутом слове «пушек», надо, конечно, разуметь Пушкина.

В фразе весьма прозрачно проглядывает чисто женское злорадство ревнующей барышни, с удовлетворением отмечающей, что пушек не достать, очевидно, потому, что они переброшены на другой фронт.

Не подлежит сомнению, что письмо написано до помолвки Пушкина, состоявшейся 6 мая и ставшей известной Ушаковым уже тогда же, вероятнее даже, что написание письма следует отнести к времени, предшествовавшему окончательному предложению Пушкина Гончаровой, т. е. к январю — марту 1830 г. Ссора поэта с матерью невесты дала повод Е. Н. Ушаковой считать Пушкина окончательно отказавшимся от попыток «взять Карс».

4

ПИСЬМО А. КОНОНОВА К И. Н. УШАКОВУ

Имя Пушкина неоднократно фигурирует и в письмах другого ушаковского корреспондента — близкого друга И. Н. Ушакова — А. Кононова. Являясь завсегдаем ушаковского семейства, Кононов неоднократно встречался там с Пушкиным. В одном стихотворении (Кононов стихотворствовал), написанном значительно позднее и хранящемся в найденном архиве, он так говорит об этом:

Тогда как Пресненское поле
Еще забор не ограждал,
Когда наш Пушкин, жив, на воле
Сильфиду страстно воспевал,
Я дом ваш часто посещал.²

В письме Кононова, адресованном И. Н. Ушакову и написанном 4 апреля 1830 г., имеется одно особенно ценное указание о Пушкине, относящееся к работе его над последними главами «Онегина».

Опуская совсем очень длинный и малоинтересный текст письма, мы приводим здесь лишь интересующее нас указание. Вот оно:

«Сейчас увидел в газетах, что 7-я глава „Онегина“ вышла из печати, надо ожидать скоро и остальных, ибо Пушкин говорил, что у него написаны 8-я, 9-я и 10-я, не знаю чего он медлит».

Это сообщение вносит определенный корректив в установленную пушкинистами хронологию отдельных глав «Евгения Онегина». Во всяком случае оно заставляет с меньшей категоричностью относить написание последних трех глав целиком к болдинской осени 1830 г. Ведь если даже сделать скидку на преувеличение Кононова, то и тогда остается в силе тот факт, что работа Пушкина над этими главами велась уже весной 1830 г. Основываться же на осенних датах, поставленных Пушкиным в Болдине, — значит отодвигать хронологические рамки более чем на полгода только потому, что эти даты суть даты окончания работы. Б. В. Томашевский, указывая на невозможность точной хронологии частей «Онегина», дает все же такую хронологию написания последних трех глав:³ «восьмая глава (впоследствии «Путешествие Онегина») начата в Москве в сентябре 1829 г. и закончена

¹ Многоточие в подлиннике.

² Стихотворение посвящено Ек. Ник. Наумовой (Ушаковой). На Пресненском поле, как сказано выше, находился дом Ушаковых. Под Сильфидой Кононов разумет Ек. Ник-у.

³ Беру из его статьи «Евгений Онегин» в «Путеводителе по Пушкину». Полное собр. соч. А. С. Пушкина, 1931, т. VI.

в Болдине в октябре 1830 г. Девятая глава (впоследствии восьмая) написана в Болдине в сентябре 1830 г., закончена 25 сентября; десятая глава написана в Болдине в октябре 1830 г.».

Нам представляется совершенно невероятным, чтобы Пушкин мог говорить о своей работе над концом «Онегина» в то время, когда он эту работу еще и не начинал, тем более говорить об этом с таким человеком, посвящая которого в свои еще невыполненные планы он не имел никакого основания. А вне пушкинского сообщения Кононов знать о 10-й главе не мог, ибо по первоначальному плану «Евгений Онегин» должен был состоять не из десяти, а из девяти глав и в процессе работы неоднократно подвергался композиционным изменениям.

Указание Кононова позволяет дать другую более вероятную хронологию: уже весной 1830 г., т. е. непосредственно за восьмой главой (впоследствии «Путешествие Онегина») и на ряду с ней Пушкин начал вести работу над остальными главами, а может быть даже и закончил их вчерне к этому сроку; к осени же 1830 г. нужно отнести лишь окончательное решение Пушкина о включении (скорее о невключении) их в основной комплекс произведения. Как известно, восьмая глава была выделена из этого комплекса в отдельное приложение, девятая стала восьмой, а десятая уничтожена 19 октября 1830 г.¹ Перед тем как прийти к такому решению, Пушкин дол-

жен был проделать длительный путь обдумывания заключительных глав, и совершенно понятно, что медлил Пушкин с их выпуском весь 1830 год. Эта медлительность, непонятная для Кононова, объяснялась отнюдь не только соображениями поэтического порядка. Заканчивая «Онегина», Пушкин стал лицом к лицу с соображениями порядка политического. Дошедшая до нас лишь в маленьком фрагменте да в зашифрованном отрывке десятая глава «Онегина» содержала описание подготовки к восстанию декабристов. В то самое время, когда иные вольнодумцы упрекали поэта за отход от бунтарства, Пушкин готовил свою зажигательную десятую главу. И если, как это видно из нашей публикации, он в течение более чем полугода в условиях постоянного надзора воздерживался от уничтожения 10-й главы, то это лишний раз подчеркивает мужество Пушкина, так долго не желавшего сдаваться ни унылому голосу осторожности, ни смиряющим настроениям усталости.

5

«СИНИЙ ЛИСТ»

Этот документ представляет собой сложенный вчетверо лист плотной бумаги синего цвета, на одной стороне исписанный по всем направлениям стихами и набросками письма, а с другой стороны покрытый рисунками. Размер листа—

¹ Особенно важное значение приобретает письмо Кононова как раз в связи с упоминанием о 10-й главе. Как известно, эта глава, приводившая, повидимому, героя в общество декабристов, относится к спорным вопросам пушкиноведения. Уже тот факт, что она в небольшом отрывке дошла до нас, зашифрованная самим Пушкиным, придает ей совершенно исключительный интерес. Длительная текстологическая работа целого коллектива исследователей позволила разгадать истинный смысл отрывка. Он переносит нас в самое сердце заговора, причем рисует сам заговор в особенно приподнятых, патетических тонах, с явной симпатией к его участникам. Уже предварительные данные давали возможность ориентировать написание главы 1830-м годом, т. е. годом «перелома» в политическом мировоззрении Пушкина. Необходимость более детальной хронологизации напрашивалась сама собой — ведь она позволила бы более убедительно опровергнуть ложную мысль об отходе поэта от настроений декабризма. Важнейшими критериями для установления сроков, поскольку у самого Пушкина их нет, могли явиться только свидетельства современников. К ним и обратились взоры исследователей. Всего таких свидетельств имелось три — они зарегистрированы в статье Б. В. Томашевского («Литературное наследство», № 16—18). Первое из них заключено в воспоминаниях М. В. Юефовича — «Русский Архив», 1880, III (2), где, говоря о Пушкине, автор сообщает, что Пушкин «объяснил... довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому между прочим Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов». Это упоминание (оно относится к июню 1829 г.), вообще говоря, весьма важное для истории замысла 10-й главы, ничего не дает для восстановления хронологии самой работы и поэтому в счет не идет. Два другие свидетельства — П. А. Вяземского и А. И. Тургенева — относятся к времени, когда X глава была уже сожжена. Свидетельство Кононова является, таким образом, не только наиболее ранним из всех упоминаний современников о работе Пушкина над 10-й главой «Евгения Онегина», но и единственным, позволяющим ориентировать ее во времени. С. К.

45 × 34 см, даты нет. Записи и рисунки сделаны черными чернилами, несколько рисунков также и карандашом, почти совершенно стершимся от времени.

Среди стихов, написанных на лицевой половине листа, заслуживает внимания романс с трижды повторяющимся рефреном.

Вот он:

[Где она, где ангел милый]¹
Где звезда любви моей?
Но увы, в ответ уныло
Мне поет лишь соловей:

Нет ее.

Нет ее, зефир счастливый,
Нежась с розой повторил,
И виясь ручей игривый
В камышах проговорил:

Нет ее.

Где ж она? слова напрасны
Ветр далеко их умчал,
Лишь певец на зов несчастный
Снова в роще просвистал:

Нет ее.

Имя автора не подписано. Во всяком случае он не принадлежит к семейству Ушаковых. Автором отнюдь не является Е. Ушакова, чьей рукой романс переписан, ибо рядом ее же рукой написаны совершенно бездарные стихи. Воздерживаясь от рискованных утверждений, укажем лишь на то, что романс несомненно выделяется из безграничного потока второстепенных стихов, столь щедро выпускавшихся литературной молодежью Москвы двадцатых годов. За умело использованными образами, за лиричностью и теплотой чувствуется рука большого поэта.

На стороне, покрытой рисунками, сильным нажимом пера выведены одно за другим два имени: А. Пушкин и Байрон, а в сторону наискось дважды повторено имя Alexandre и дважды по-русски и по-французски монограмма А. П., выше фамилия Oushakof. На этой же стороне нарисован герб с неразборчивыми геральдическими

знаками на нем и надписью над ним: République française,² фигура сидящего мужчины с книгой в руках, в двух видах фигура девушки en face во весь рост и девять более или менее законченных профилей. Эти профили обращают на себя внимание. Некоторые из них и особенно два — мужской и женский — выполнены в манере Пушкина, тонким и быстрым штрихом с характерным абрисом рта и подбородка и с беглым наброском прически (свойственным манере Пушкина). Сопоставление этих профилей с рисунками Пушкина вполне позволяет говорить о наличии здесь несомненной реминисценции пушкинской манеры рисовать. В сознании молодых Ушаковых быстрый полет пушкинского карандаша оставил, повидимому, такое же неизгладимое впечатление, как и его несравненные стихи, как и его незабываемый образ.

¹ Первая строка зачеркнута целиком.

² Не может ли это помочь отнести заполнение «синего листа» к 1830 году?

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО, П. К. ПИКСАНОВА и О. В. ЦЕХНОВИЦЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1938